

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Направление подготовки

Профиль

Кафедра «Социология, экономическая
теория и международные процессы»
41.03.05 «Международные отношения»
Мировая политика и международный
бизнес

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

**Влияние внешней политики США на международную безопасность в
XXI веке**

Студент

Пивнов
Вячеслав
Александрович

подпись, дата

Руководитель

Дубина А. Ш.

подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

подпись, дата

Пенза 2026

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
Направление подготовки 41.03.05 «Международные отношения», профиль
«Мировая политика и международный бизнес»

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., профессор Рожкова Л. В.

« ____ » _____ 20__ г.

ЗАДАНИЕ
НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ

студенту Пивнову В. А., группа 22ЭА1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Влияние внешней политики США на международную безопасность в XXI веке

утверждена приказом по университету

от « ____ » _____ 20__ г . № _____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 8.06.2026.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: теоретические основы международной безопасности и внешней политики; эволюция и особенности внешней политики США в XXI веке; влияние внешней политики США на региональную и глобальную безопасность.

5 Перечень графического материала: таблицы.

6 Дата выдачи задания: 25.10.2025.

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	25.10.2025 – 10.11.2025	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	11.11.2025 – 25.12.2025	
3	Написание Главы 1	26.12.2025 – 30.01.2026	
4	Написание Главы 2	31.01.2026 – 15.03.2026	
5	Написание Главы 3	16.03.2026 – 29.04.2026	
6	Написание введения и заключения	30.04.2026 – 11.05.2026	
7	Оформление ВКР	12.05.2026 – 24.05.2026	
8	Сдача ВКР нормоконтролю, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	25.05.2026 – 5.06.2026	
9	Ознакомление с отзывом руководителя	6.06.2026	
10	Представление законченной бакалаврской работы, передача в ГЭК	8.06.2026	

Руководитель _____ / А. Ш. Дубина /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____ / В. А. Пивнов /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 53 с., 3 ч., 4 табл., 50 источников.

США, НАТО, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, АМЕРИКАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Объект исследования – внешняя политика США в XXI в.

Цель работы – выявить основные направления, инструменты и последствия влияния внешней политики США на международную безопасность.

Методологическую основу составляют системный подход, неореализм, неолиберальный институционализм, историко-сравнительный и политико-правовой анализ.

Результаты работы: рассмотрены теоретические основы международной безопасности и роли США как глобального актора; проанализирована эволюция внешнеполитических стратегий США (от доктрины Буша до стратегического соперничества с Китаем и Россией); выявлено влияние США на режим контроля над вооружениями и ядерное нераспространение; оценена роль США в региональных конфликтах и кризисах; проанализированы санкционные механизмы как инструмент давления на государства; определены противоречия и ограничения американского влияния в условиях формирования многополярности.

Рекомендации по внедрению. Результаты могут быть использованы в работе МИД России, экспертных сообществ, в учебных программах по международным отношениям, а также при подготовке аналитических докладов о состоянии глобальной безопасности.

Теоретическая значимость – систематизация подходов к оценке влияния внешней политики великой державы на международную безопасность.

Прогнозные предложения. В ближайшие десятилетия влияние США на международную безопасность будет сокращаться относительным образом, однако останется значительным в военно-политической, технологической и санкционной сферах. Нарастание многополярности, усиление Китая, возвращение «жёсткой» конфронтации потребуют от США адаптации стратегии к условиям ограниченной гегемонии.

Summary

Bachelor's thesis 53 pages, 3 parts, 4 tables, 50 sources.

USA, NATO, FOREIGN POLICY, INTERNATIONAL SECURITY, AMERICAN INFLUENCE

The object of the study is the US foreign policy in the 21st century.

The purpose of the work is to identify the main directions, tools and consequences of the influence of US foreign policy on international security.

The methodological basis consists of a systematic approach, neorealism, neoliberal institutionalism, historical-comparative and political-legal analysis.

The results of the work: the theoretical foundations of international security and the role of the United States as a global actor are considered; the evolution of US foreign policy strategies (from the Bush doctrine to strategic rivalry with China and Russia) is analyzed; the influence of the United States on the arms control regime and nuclear nonproliferation is revealed; the role of the United States in regional conflicts and crises is assessed; sanctions mechanisms as an instrument of pressure are analyzed. The contradictions and limitations of American influence in the context of the formation of multipolarity are identified.

Recommendations for implementation. The results can be used in the work of the Russian Ministry of Foreign Affairs, expert communities, in training programs on international relations, as well as in the preparation of analytical reports on the state of global security.

The theoretical significance is the systematization of approaches to assessing the impact of a great power's foreign policy on international security.

Forward-looking offers. In the coming decades, the US influence on international security will decrease relatively, but it will remain significant in the military-political, technological and sanctions spheres. The growth of multipolarity, the strengthening of China, and the return of «tough» confrontation will require the United States to adapt its strategy to conditions of limited hegemony.

Referat

Bachelor-Arbeit 53 s., 3 h., 4 Tabelle., 50 Quellen.

USA, NATO, AUßENPOLITIK, INTERNATIONALE SICHERHEIT,
AMERIKANISCHER EINFLUSS

Gegenstand der Studie ist die US–Außenpolitik im 21. Jahrhundert.

Das Ziel der Arbeit ist es, die Hauptrichtungen, Werkzeuge und Auswirkungen des Einflusses der US-Außenpolitik auf die internationale Sicherheit aufzuzeigen.

Die methodologische Grundlage bilden ein systemischer Ansatz, Neorealismus, neoliberaler Institutionalismus, historische vergleichende und politisch-rechtliche Analysen.

Die Ergebnisse: Die theoretischen Grundlagen der internationalen Sicherheit und die Rolle der USA als globaler Akteur wurden untersucht, die Entwicklung der US-außenpolitischen Strategien (von der Bush-Doktrin bis zur strategischen Rivalität mit China und Russland) analysiert, der Einfluss der USA auf die Rüstungskontrolle und die Nichtverbreitung von Kernwaffen identifiziert, die Rolle der USA in regionalen Konflikten und Krisen bewertet, die Sanktionsmechanismen als Druckmittel auf Staaten analysiert und die Widersprüche und Einschränkungen des amerikanischen Einflusses in der Multipolarität identifiziert.

Richtlinien für die Implementierung. Die Ergebnisse können in der Arbeit des russischen Außenministeriums, der Expertengemeinschaften, in Lehrplänen für internationale Beziehungen sowie bei der Erstellung analytischer Berichte über den Zustand der globalen Sicherheit verwendet werden.

Von theoretischer Bedeutung ist die Systematisierung von Ansätzen zur Bewertung des Einflusses der Außenpolitik der Großmacht auf die internationale Sicherheit.

Zukunftsgerichtete Vorschläge. Der Einfluss der USA auf die internationale Sicherheit wird in den kommenden Jahrzehnten relativ abnehmen, wird jedoch im militärischen, politischen, technologischen und Sanktionsbereich erheblich bleiben. Die zunehmende Multipolarität, die Stärkung Chinas und die Rückkehr einer «harten» Konfrontation erfordern, dass die USA ihre Strategie an die Bedingungen begrenzter Hegemonie anpassen.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические основы международной безопасности и внешней политики	6
1.1 Понятие и структура международной безопасности в современной системе международных отношений.....	6
1.2 Основные концепции и инструменты внешней политики государств.....	12
Глава 2 Эволюция и особенности внешней политики США в XXI веке.....	19
2.1 Основные этапы и направления внешнеполитической стратегии США	19
2.2 Современные приоритеты внешней политики США в контексте международной безопасности	26
Глава 3 Влияние внешней политики США на региональную и глобальную безопасность	33
3.1 Воздействие внешней политики США на систему европейской безопасности и деятельность НАТО.....	33
3.2 Политика США на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и её влияние на региональную стабильность	38
Заключение.....	47
Список использованных источников.....	49

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в 2001–2024 гг. несмотря на многочисленные исследования внешней политики США, остается дискуссионным вопрос о том, способствует ли американская политика укреплению международной безопасности или, напротив, формирует новые угрозы и конфликты. Внешняя политика США формирует повестку дня международных организаций, определяет направления региональных интеграционных процессов и влияет на характер взаимодействия ведущих держав мира. В условиях трансформации миропорядка, перехода от однополярности к многополярности, активизации новых центров силы и усложнения характера угроз международной безопасности изучение американской внешнеполитической стратегии приобретает особую значимость для понимания современных международных процессов. События последних двух десятилетий – военные операции на Ближнем Востоке, расширение НАТО, разворот к Азии, обострение отношений с Россией и Китаем, выход из международных договоров и институтов – демонстрируют масштабность влияния США на систему международной безопасности и необходимость комплексного анализа данного феномена.

Степень разработанности проблемы характеризуется значительным научным интересом к данной тематике как в российской, так и в зарубежной политологии. Различные аспекты внешней политики США исследуются в работах российских ученых, таких как А. И. Уткин, Н. А. Косолапов, Т. А. Шаклеина, которые анализируют стратегические доктрины американской внешней политики и их влияние на мировую политику. Отдельные направления американской внешнеполитической активности изучаются в трудах В. О. Печатнова, Э. Я. Баталова, С. М. Рогова. Зарубежная историография представлена работами З. Бжезинского, Г. Киссинджера, С. Хантингтона, рассматривающих роль США в международных отношениях с различных теоретических позиций. Вместе с тем динамичность международной ситуации требует постоянного обновления

аналитической базы и переосмысления последствий внешнеполитических действий США для региональной и глобальной безопасности.

Цель выпускной квалификационной работы состоит в комплексном анализе влияния внешней политики США на международную безопасность в XXI в. и выявлении основных направлений, механизмов и последствий американского воздействия на глобальную и региональную системы безопасности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть теоретические подходы к изучению международной безопасности.;
- проанализировать эволюцию внешней политики США в XXI в.;
- выявить основные инструменты американского внешнеполитического влияния;
- оценить влияние политики США на европейскую безопасность;
- рассмотреть воздействие внешней политики США на систему европейской безопасности и деятельность НАТО;
- проанализировать последствия политики США на Ближнем Востоке и в АТР.

Объектом исследования выступает внешняя политика Соединенных Штатов Америки в XXI в. в контексте ее воздействия на международную безопасность.

Предметом исследования являются механизмы, инструменты и направления влияния внешней политики США на систему глобальной и региональной безопасности в современных условиях.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2001 по 2025 гг., что обусловлено началом глобальной антитеррористической кампании США после событий 11 сентября 2001 г. и последующей трансформацией американской внешнеполитической стратегии.

Территориальные рамки исследования включают европейский регион, Ближний Восток, Северную Африку и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Методологическая база исследования включает в себя совокупность научных подходов, методов и источников. Теоретическая база основывается на

использовании системного подхода, позволяющего рассматривать международную безопасность как сложную систему взаимосвязанных элементов, неореалистической парадигмы для анализа силового измерения внешней политики США, концепции неолиберального институционализма при изучении роли международных институтов.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации научных подходов к анализу влияния внешней политики крупной державы на систему международной безопасности, выявлении закономерностей и механизмов такого воздействия, а также в развитии понятийного аппарата современной теории международных отношений применительно к проблематике американской внешней политики и глобальной безопасности.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов для прогнозирования развития международной ситуации, разработки внешнеполитических стратегий других государств с учетом американского фактора, а также применения материалов исследования в учебном процессе при преподавании дисциплин по международным отношениям, мировой политике и региональным исследованиям.

Структура работы определяется логикой исследования и поставленными задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматриваются теоретические основы международной безопасности и внешней политики. Во второй главе исследуется эволюция и особенности внешней политики США в XXI в., выявляются основные этапы, направления и современные приоритеты американской стратегии. Третья глава посвящена анализу влияния внешней политики США на региональную и глобальную безопасность, рассматривается воздействие американской политики на европейскую безопасность и деятельность НАТО, а также влияние США на ситуацию на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Глава 1 Теоретические основы международной безопасности и внешней политики

1.1 Понятие и структура международной безопасности современной системе международных отношений

Понятие международной безопасности является одной из центральных категорий современной теории международных отношений и представляет собой сложный многоуровневый феномен, отражающий состояние защищенности интересов государств, международных организаций, социальных групп и отдельных индивидов от различных видов угроз. Изучение международной безопасности требует междисциплинарного подхода, интегрирующего достижения политической науки, международного права, социологии, экономики и военной стратегии. В научной литературе представлены многочисленные определения международной безопасности, каждое из которых акцентирует внимание на различных аспектах данного явления и отражает специфику теоретических позиций исследователей.

Традиционная парадигма, господствовавшая в годы Холодной войны, исходила из реалистической картины мира: безопасность измерялась военной мощью, балансом сил и готовностью к противостоянию. Государство в этой модели выступало и главным субъектом, и главным объектом защиты; его суверенитет и границы считались неприкосновенными ценностями. Именно эта логика – сдерживание противников и сохранение однополярности – впоследствии определила ключевые решения Вашингтона в начале 2000-х гг.: продвижение НАТО на восток, создание ПРО и концепцию превентивных ударов, зафиксированную в Стратегии национальной безопасности 2002 г. Такой подход неизбежно порождал «дилемму безопасности», когда действия одного государства по усилению своей защиты воспринимались соседями как угроза [4, с. 78].

Однако на рубеже XX–XXI вв. характер угроз кардинально изменился. Глобализация и взаимозависимость заставили пересмотреть узко-военное понимание безопасности. Сегодня исследователи всё чаще говорят о её

многомерности: наряду с военной составляющей выделяются экономическая, экологическая, информационная, энергетическая и гуманитарная плоскости. Безопасность трактуется уже не как статичное «отсутствие угроз», а как динамичный процесс создания условий для устойчивого развития [12, с. 145].

Важным теоретическим прорывом стало признание множественности акторов. Копенгагенская школа ввела понятие «секьюритизации», согласно которому проблема становится вопросом безопасности не по объективным причинам, а в результате политического дискурса. Этот подход особенно продуктивен для анализа внешней политики США: американские администрации систематически использовали риторику угрозы для легитимации вторжений (от Ирака до киберпространства). Показательно, что один и тот же вызов (например, иранская ядерная программа) в разные периоды секьюритизировался по-разному, отражая не столько изменение реальной опасности, сколько смену политического дискурса в Вашингтоне [23, с. 201].

Современная система безопасности представляет собой многоуровневую конструкцию. Глобальный уровень связан с ООН и её специализированными учреждениями, которые занимаются нераспространением ОМУ и мирным урегулированием [7, с. 89]. Региональный уровень набирает вес в условиях многополярности – такие организации, как ОБСЕ, НАТО, АСЕАН и ШОС, вырабатывают собственные механизмы стабилизации. Национальный уровень остаётся фундаментом, поскольку именно государства несут ответственность за суверенитет, экономику и социальную стабильность. При этом национальная и международная безопасность тесно переплетены: изолированно обеспечить защиту сегодня невозможно, и попытки отдельных стран укрепить свою оборону могут подрывать общую стабильность [31, с. 167].

Региональный уровень международной безопасности приобретает все большее значение в условиях формирования многополярного мира и усиления роли региональных держав. Региональные организации безопасности создаются на основе географической близости, общности интересов и исторических связей государств определенного региона. Такие организации, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организация Североатлантического

договора, АСЕАН, Африканский союз, Организация американских государств, Шанхайская организация сотрудничества, разрабатывают собственные механизмы обеспечения региональной безопасности, предотвращения и урегулирования конфликтов. Устав ООН в главе VIII признает право региональных организаций заниматься вопросами поддержания мира и безопасности, при условии соответствия их действий целям и принципам Организации. Региональные системы безопасности характеризуются разной степенью институционализации, различными моделями принятия решений и неодинаковой эффективностью [18, с. 134].

Национальный уровень безопасности остается фундаментальным элементом всей системы международной безопасности, поскольку государства продолжают быть основными субъектами международного права и главными носителями суверенитета. Национальная безопасность включает защиту территориальной целостности, политической независимости, экономических интересов, социальной стабильности и культурной идентичности государства. Каждое государство разрабатывает собственную стратегию национальной безопасности, определяющую основные угрозы, цели, задачи и средства их достижения. Национальная безопасность неразрывно связана с международной безопасностью, поскольку в условиях глобализации и взаимозависимости безопасность отдельного государства невозможно обеспечить изолированно от общей ситуации в международной системе. Действия государств по укреплению собственной безопасности могут как способствовать, так и подрывать международную стабильность, что обуславливает необходимость баланса между национальными интересами и требованиями коллективной безопасности [31, с. 167].

Коллективная безопасность – это принцип, заложенный ещё в Уставе Лиги Наций и развитый в Уставе ООН: агрессия против одного члена сообщества рассматривается как угроза всем. Ей противостоит коллективная оборона (статья 51 Устава ООН), на которой построены военные блоки вроде НАТО. Критики указывают, что такие альянсы усиливают конфронтацию и провоцируют гонку вооружений [27, с. 198].

Параллельно с концепцией коллективной безопасности в международной практике широко распространена концепция коллективной обороны, закреплённая в

статье 51 Устава ООН, которая признает неотъемлемое право государств на индивидуальную и коллективную самооборону в случае вооруженного нападения. На основе этого принципа созданы многочисленные военно-политические союзы и блоки, наиболее влиятельным из которых является Организация Североатлантического договора. Коллективная оборона предполагает взаимные обязательства государств-членов альянса по оказанию военной помощи в случае агрессии против одного из них, совместное планирование обороны, интеграцию военных структур и проведение совместных военных учений. Критики концепции коллективной обороны указывают, что военные блоки усиливают конфронтационность в международных отношениях, создают разделительные линии и могут провоцировать гонку вооружений [27, с. 198].

В однобиполярный период возникли качественно новые вызовы: транснациональный терроризм, распространение ОМУ, киберугрозы, климатические изменения, пандемии и кризисы несостоявшихся государств. Эти угрозы носят асимметричный характер, не решаются военными методами и требуют скоординированных усилий всего мирового сообщества [21, с. 156].

Международный терроризм представляет одну из наиболее серьезных угроз современной международной безопасности, что особенно ярко проявилось после террористических актов 11 сентября 2001 г. в США. Террористические организации транснационального характера используют идеологические, религиозные и политические мотивы для оправдания насильственных действий против гражданского населения, государственных институтов и инфраструктуры. Террористическая деятельность подрывает основы правопорядка, дестабилизирует политическую ситуацию, наносит экономический ущерб и создает атмосферу страха в обществе. Борьба с терроризмом требует комплексного подхода, включающего не только силовые методы противодействия террористическим группировкам, но и устранение социально-экономических и политических причин, порождающих радикализацию и экстремизм, перекрытие каналов финансирования терроризма, противодействие распространению радикальной идеологии [9, с. 203].

Проблема распространения оружия массового уничтожения остается одним из центральных вопросов международной безопасности, несмотря на существование

развитой системы договоров и режимов нераспространения. Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., Конвенция о запрещении биологического оружия 1972 г. и Конвенция о запрещении химического оружия 1993 г. создали правовую основу для предотвращения распространения ОМУ, однако эффективность этих механизмов ставится под сомнение в связи с выходом отдельных государств из договоренностей, развитием ядерных программ в ряде стран, угрозой попадания ОМУ в руки негосударственных акторов и террористических организаций. Кроме того, технологический прогресс создает новые возможности для производства оружия массового поражения, что требует совершенствования международных контрольных механизмов [36, с. 124].

Информационная безопасность выходит на передний план в условиях цифровизации. Кибератаки на инфраструктуру, шпионаж и вмешательство в выборы стали новой реальностью. Сложность атрибуции (установления источника атаки) и отсутствие общепризнанных норм поведения в киберпространстве создают дополнительные риски [19, с. 187].

Концепция человеческой безопасности, получившая развитие в 1990-е гг., смещает акцент с государства на индивида. Она охватывает свободу от нужды и страха, включая экономическую, продовольственную, медицинскую и экологическую составляющие. Эта концепция легла в основу доктрины «ответственности по защите» [11, с. 214].

Взаимосвязь измерений проявляется в том, что кризис в одной сфере порождает проблемы в других: экономический спад ведёт к социальной нестабильности, экологические катастрофы – к миграции, энергозависимость – к политической уязвимости. Это требует интегрального подхода и также системного анализа [29, с. 143].

Сравнивая основные теоретические подходы к международной безопасности, можно выделить их разную объяснительную силу применительно к внешней политике США в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение теоретических подходов к международной безопасности
[составлено автором]

Критерий	Реализм	Либерализм	Конструктивизм
Главный объект безопасности	Государство	Государство + индивид + международные институты	Идентичность, ценности, нормы
Главная угроза	Военная агрессия другого государства	Отсутствие сотрудничества, бедность, авторитаризм	Исключающие идентичности, враждебные нарративы
Способ достижения безопасности	Баланс сил, сдерживание, союзы	Международные институты, экономическая взаимозависимость	Формирование общей идентичности, диалог
Как это объясняет политику США	США как гегемон, навязывающий однополярность силой	США как лидер либерального порядка (ООН, Бреттон-Вудс)	«Американская исключительность» как нарратив

Таким образом, понятие и структура международной безопасности в современной системе международных отношений характеризуются многомерностью, динамичностью и возрастающей сложностью. Эволюция концепции безопасности отражает изменения в характере международной системы, появление новых акторов, трансформацию угроз и развитие теоретических подходов к изучению международных отношений. Современная система международной безопасности представляет собой многоуровневую структуру, включающую глобальные, региональные и национальные измерения, функционирующие на основе сочетания принципов коллективной безопасности, коллективной обороны и индивидуальной ответственности государств. Эффективное обеспечение международной безопасности требует сбалансированного учета интересов различных акторов, развития международного сотрудничества, совершенствования институциональных механизмов и адаптации стратегий безопасности к новым вызовам и угрозам.

1.2 Основные концепции и инструменты внешней политики государств

Внешняя политика государства представляет собой целенаправленную деятельность по реализации национальных интересов на международной арене и регулированию отношений с другими субъектами международных отношений. Формирование и осуществление внешней политики является прерогативой высших органов государственной власти и основывается на совокупности целей, принципов, приоритетов и средств, закрепленных в стратегических документах, доктринах и концепциях. Научное изучение внешней политики требует анализа как объективных факторов, определяющих поведение государства на международной арене, так и субъективных факторов, связанных с восприятием национальных интересов политической элитой и процессами принятия внешнеполитических решений. Понимание механизмов формирования и реализации внешней политики государств имеет ключевое значение для прогнозирования развития международной ситуации и разработки адекватных стратегий международного взаимодействия [5, с. 92].

Концептуальные основы внешней политики разрабатываются в рамках различных теоретических школ международных отношений, каждая из которых предлагает собственную интерпретацию природы, целей и движущих сил внешнеполитической деятельности государств. Реалистическая традиция, восходящая к идеям Фукидида, Н. Макиавелли и Т. Гоббса, рассматривает внешнюю политику как деятельность по максимизации национальной мощи и безопасности в условиях анархичной международной системы, где отсутствует центральная власть и каждое государство обеспечивает свою безопасность самостоятельно. Классические реалисты подчеркивают неизменность человеческой природы, стремление к власти и доминированию как фундаментальные характеристики политического поведения. Структурные реалисты переносят акцент с человеческой природы на структуру международной системы, утверждая, что анархичный характер системы заставляет государства заботиться о своей безопасности и вступать в конкуренцию за власть и влияние независимо от внутренних характеристик политического режима [16, с. 134].

Либеральная парадигма международных отношений предлагает альтернативный взгляд на внешнюю политику, акцентируя внимание на возможностях международного сотрудничества, роли международных институтов, влиянии внутривнутриполитических факторов и экономической взаимозависимости. Либералы считают, что государства могут иметь общие интересы в поддержании мира, развитии торговли, защите прав человека и решении глобальных проблем, а международные организации и режимы создают правила и механизмы, облегчающие сотрудничество и снижающие вероятность конфликтов. Демократический мир, экономическая взаимозависимость и транснациональные связи рассматриваются как факторы, способствующие формированию менее конфронтационной внешней политики. Либеральные исследователи также подчеркивают роль внутривнутриполитических процессов, интересов групп давления, общественного мнения и идеологических предпочтений в формировании внешнеполитического курса [24, с. 167].

Реалистическая школа (от Фукидида до Миршаймера) трактует внешнюю политику как борьбу за мощь и безопасность в анархичной среде, где каждый полагается на собственные силы. Либералы делают ставку на сотрудничество, институты и взаимозависимость, утверждая, что общие интересы в мире и торговле перевешивают конфликтный потенциал. Конструктивисты добавляют к этому анализ идентичности: внешняя политика США во многом определяется не только прагматикой, но и представлением о себе как об «исключительной нации». Формирование внешней политики государства представляет собой сложный процесс, в котором участвуют различные акторы и институты, взаимодействующие в рамках определенных политических процедур и механизмов [24, с. 167]

На практике эти подходы смешиваются. Реалисты объясняют расширение НАТО и сдерживание Китая стремлением не допустить появления евразийского гегемона. Либералы видят в политике США реализацию «либерального левиафана», что означает распространение демократии и рыночных институтов. Однако реальная политика Вашингтона сочетает военную силу с ценностной риторикой, а односторонние действия – с призывами к многосторонности.

Процесс принятия решений включает главу государства, Госдеп, Совбез, Конгресс (ратификация договоров и бюджет), а также группы интересов (ВПК, бизнес, диаспоры, экспертные центры). В демократиях влияние общественного мнения и СМИ на внешнюю политику выше, чем в авторитарных режимах [8, с. 201; 33, с. 156]. Законодательные органы власти участвуют в формировании внешней политики через ратификацию международных договоров, утверждение бюджетных ассигнований на внешнеполитические цели, контроль над деятельностью исполнительной власти и выражение позиции по актуальным международным вопросам [8, с. 201].

Важную роль в формировании внешней политики играют группы интересов, представляющие бизнес-сообщество, военно-промышленный комплекс, экспертное сообщество, этнические и религиозные группы, неправительственные организации. Эти акторы стремятся влиять на внешнеполитические решения через лоббирование в органах власти, участие в экспертных советах, формирование общественного мнения, организацию публичных кампаний. Степень влияния различных групп интересов на внешнюю политику варьируется в зависимости от типа политической системы, степени демократизации, институциональной структуры принятия решений, характера конкретных внешнеполитических вопросов. В демократических государствах влияние групп интересов и общественного мнения на внешнюю политику значительно выше, чем в авторитарных режимах, где внешнеполитические решения концентрируются в руках узкого круга политической элиты [33, с. 156].

Средства массовой информации и общественное мнение также оказывают воздействие на формирование внешней политики, особенно в демократических обществах. СМИ выполняют функции информирования общества о международных событиях, формирования повестки дня, интерпретации внешнеполитических действий правительства, артикуляции общественных настроений.

Общественное мнение может ограничивать свободу действий политического руководства, особенно в вопросах, связанных с использованием военной силы, участием в международных конфликтах, принесением жертв и затратами ресурсов.

Политические лидеры вынуждены учитывать общественные настроения и стремятся формировать позитивное восприятие своей внешней политики через публичную дипломатию, пропаганду и манипулирование информацией [17, с. 178].

Национальные интересы – это концептуальная основа курса. Они делятся по степени важности (жизненно важные, важные, периферийные) и по временному горизонту. Их определение субъективно: разные элиты по-разному видят угрозы и возможности, а смена власти может менять приоритеты [26, с. 193].

Определение национальных интересов не является чисто объективным процессом, основанным на рациональном расчете, но включает субъективные элементы, связанные с восприятием угроз и возможностей политическими элитами, идеологическими предпочтениями, историческим опытом и национальной политической культурой. Различные политические силы внутри государства могут иметь разное понимание национальных интересов и приоритетов внешней политики, что порождает внутривнутриполитическую борьбу за определение внешнеполитического курса. Смена политического руководства, изменение соотношения политических сил, трансформация идеологических установок могут приводить к переформулированию национальных интересов и корректировке внешнеполитической стратегии [10, с. 145].

Инструменты внешней политики представляют собой совокупность средств и методов, используемых государством для достижения своих целей на международной арене и воздействия на поведение других акторов международных отношений. Традиционно инструменты внешней политики классифицируются на дипломатические, экономические и военные, хотя в современных условиях этот перечень расширяется за счет информационных, культурных, гуманитарных и иных средств воздействия. Выбор конкретных инструментов внешней политики определяется характером целей, спецификой ситуации, располагаемыми ресурсами, оценкой эффективности различных методов и допустимых издержек [22, с. 167].

Дипломатия является основным инструментом внешней политики и представляет собой искусство и практику ведения переговоров, установления и поддержания официальных отношений между государствами, представительства национальных интересов за рубежом. Дипломатические методы включают

двусторонние и многосторонние переговоры, участие в работе международных организаций и конференций, заключение договоров и соглашений, обмен посланиями и визитами на высшем уровне, консультации и координацию позиций. Традиционная дипломатия, осуществляемая через каналы министерств иностранных дел и дипломатические представительства, дополняется публичной дипломатией, направленной на формирование благоприятного имиджа государства за рубежом и установление контактов с зарубежной общественностью, экспертным сообществом, неправительственными организациями [35, с. 198].

Экономические инструменты внешней политики охватывают широкий спектр средств воздействия, основанных на использовании экономических ресурсов, торговых связей, инвестиций, финансовой помощи. Позитивные экономические стимулы включают предоставление торговых преференций, снижение таможенных барьеров, предоставление кредитов и финансовой помощи, инвестиции в экономику других государств, реализацию совместных экономических проектов, экономическую интеграцию. Негативные экономические меры включают введение экономических санкций, торговых эмбарго, замораживание активов, ограничение инвестиций, отказ от экономического сотрудничества. Эффективность экономических инструментов зависит от степени экономической взаимозависимости между государствами, наличия альтернативных торговых партнеров, устойчивости экономики государства-объекта воздействия [15, с. 211].

Военные инструменты внешней политики включают использование вооруженных сил и военного потенциала для достижения внешнеполитических целей. Применение военной силы может осуществляться в различных формах – от демонстрации военной мощи, военных учений вблизи границ других государств, развертывания военных контингентов до проведения ограниченных военных операций и полномасштабных военных кампаний. Использование военной силы регламентируется международным правом, прежде всего Уставом ООН, который запрещает применение силы или угрозу силой в международных отношениях, за исключением случаев самообороны и санкционированных Советом Безопасности действий по поддержанию международного мира и безопасности. Однако на практике государства неоднократно прибегали к применению военной силы в обход

норм международного права, мотивируя свои действия гуманитарными соображениями, борьбой с терроризмом [28, с. 176].

Информационные инструменты внешней политики приобретают все большее значение в условиях информационного общества и включают стратегические коммуникации, информационные кампании, пропаганду, противодействие дезинформации, кибероперации. Государства создают специализированные структуры для проведения информационной политики на международной арене, развивают международное вещание, поддерживают медиаресурсы, ориентированные на зарубежную аудиторию, используют социальные сети и цифровые платформы для распространения своих нарративов. Информационная составляющая внешней политики направлена на формирование благоприятного образа государства, продвижение своей точки зрения на международные события, дискредитацию противников, влияние на мнение в других странах [20, с. 187].

Мягкая сила как концепция внешней политики, разработанная американским политологом Дж. Наем, предполагает способность государства добиваться своих целей через привлекательность своих ценностей, культуры, политической системы, внешней политики, а не через принуждение или материальные стимулы. Ресурсы мягкой силы включают культурную привлекательность, политические ценности и идеалы, легитимность и моральный авторитет внешней политики. Государства инвестируют в развитие мягкой силы через культурную дипломатию, образовательные обмены, продвижение языка, распространение информации о своих достижениях, участие в решении глобальных проблем, гуманитарную помощь. Мягкая сила рассматривается как дополнение к жесткой силе, основанной на военных и экономических ресурсах, и обеспечивает более устойчивое влияние, основанное на добровольном согласии и сотрудничестве [37, с. 204].

Многосторонняя дипломатия и участие в международных организациях представляют важный инструмент внешней политики современных государств. Международные организации создают институциональные рамки для регулярного взаимодействия государств, выработки общих правил и норм, координации действий по вопросам, представляющим взаимный интерес. Активное участие в международных организациях позволяет государствам влиять на формирование

международной повестки дня, продвигать свои инициативы, формировать коалиции поддержки, использовать авторитет международных институтов для легитимации своих действий. Крупные державы стремятся занимать ключевые позиции в международных организациях, влиять на процессы принятия решений, формировать правила международного взаимодействия в соответствии с интересами [25, с. 223].

Таким образом, концепции и инструменты внешней политики государств отражают сложность и многообразие международной деятельности в современных условиях. Теоретическое осмысление внешней политики эволюционирует от упрощенных моделей рационального выбора к признанию множественности факторов, влияющих на формирование и осуществление внешнеполитического курса. Современные государства располагают широким арсеналом инструментов внешней политики и комбинируют различные методы воздействия на международную среду в зависимости от конкретных задач и обстоятельств. Эффективность внешней политики определяется адекватностью выбранных стратегий и инструментов национальным интересам, реальным возможностям государства и особенностям международной ситуации.

Глава 2 Эволюция и особенности внешней политики США в XXI веке

2.1 Основные этапы и направления внешнеполитической стратегии США

Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в XXI в. характеризуется чередованием различных подходов и стратегий, отражающих попытки адаптации американского лидерства к меняющейся системе международных отношений. Начало нового столетия совпало с драматическими событиями, которые оказали фундаментальное влияние на формирование внешнеполитического курса США и определили повестку дня американской дипломатии на последующие десятилетия. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. стали переломным моментом, радикально изменившим восприятие угроз национальной безопасности США и приоритеты внешней политики. Администрация Дж. Буша-младшего провозгласила глобальную войну с терроризмом основным направлением внешнеполитической деятельности, что привело к масштабным военным операциям в Афганистане и Ираке, трансформации системы национальной безопасности, ужесточению иммиграционной политики и расширению практики внесудебного задержания подозреваемых в терроризме [6, с. 45].

Доктрина Буша, сформулированная в Стратегии национальной безопасности 2002 г., включала несколько ключевых элементов, существенно отличавшихся от традиционных подходов американской внешней политики периода холодной войны. Концепция превентивной войны предполагала право США наносить упреждающие удары по государствам и негосударственным акторам, представляющим потенциальную угрозу американской безопасности, до того, как эта угроза материализуется. Данный подход подвергся острой критике со стороны международного сообщества как противоречащий нормам международного права и подрывающий систему коллективной безопасности. Стратегия продвижения демократии рассматривалась как долгосрочный инструмент обеспечения безопасности США, исходя из предположения, что демократические государства менее склонны к агрессии и терроризму. Администрация Буша активно

использовала риторику распространения свободы и демократических ценностей для обоснования военных интервенций и смены режимов [32, с. 167].

Односторонний подход во внешней политике проявился в пренебрежении мнением союзников и международных организаций при принятии ключевых решений, выходе из международных договоров, включая Договор по ПРО, Киотский протокол, отказе от участия в Международном уголовном суде. Администрация Буша исходила из убеждения в исключительности США и их праве действовать независимо от международного сообщества в вопросах, касающихся американской безопасности. Такая позиция вызвала негативную реакцию со стороны европейских союзников, ухудшила отношения с Россией и Китаем, снизила международный авторитет США. Военная операция в Ираке 2003 г., начатая без санкции Совета Безопасности ООН на основании недостоверной информации о наличии оружия массового уничтожения, стала символом провала односторонней стратегии. Проведенный анализ внешней политики администрации Дж. Буша-младшего позволяет выделить ключевой парадокс с точки зрения международной безопасности. Стремление обеспечить абсолютную безопасность США через превентивные войны и смену режимов привело к прямо противоположному результату: возникновению новых очагов нестабильности в Ираке и Афганистане, росту угрозы со стороны террористической организации «Исламского государства» (ИГИЛ) и подрыву международного авторитета самих Соединенных Штатов. С позиций глобальной безопасности доктрина Буша продемонстрировала ограниченность военной силы как инструмента решения сложных политических проблем и создала прецедент легитимации односторонних силовых действий в обход Совета Безопасности ООН [14, с. 189].

Избрание президентом Б. Обамы в 2008 г. ознаменовало стремление к корректировке внешнеполитического курса и восстановлению международного имиджа США. Новая администрация декларировала отход от односторонних действий и приверженность многостороннему сотрудничеству, готовность вести диалог с противниками, включая Иран и Кубу, намерение восстановить партнерские отношения с союзниками и укрепить международные институты. Концепция «умной силы», сочетающей жесткие военные и экономические инструменты с

мягкой силой дипломатии и культурного влияния, была провозглашена основой внешнеполитической стратегии. Обама критиковал военные операции предыдущей администрации и обещал завершить войны в Ираке и Афганистане, переориентировать внешнюю политику на решение глобальных проблем, включая распространение ядерного оружия, экономическое развитие [23, с. 201].

Однако на практике внешняя политика администрации Обамы столкнулась с многочисленными вызовами и противоречиями. Несмотря на риторику ухода от военных интервенций, США продолжали активно использовать военную силу, хотя и в иных формах – через расширение программы беспилотных ударов, операции специальных сил, поддержку местных союзников. Военная операция в Ливии 2011 г., проведенная под прикрытием резолюции Совета Безопасности ООН о защите гражданского населения, фактически привела к свержению режима М. Каддафи и последующему хаосу в стране. Сирийский кризис продемонстрировал непоследовательность американской политики, когда после провозглашения «красных линий» относительно применения химического оружия режимом Б. Асада США не предприняли обещанных военных действий, что было расценено как проявление слабости [19, с. 178].

Стратегия разворота к Азии, провозглашенная администрацией Обамы в 2011 г., отражала осознание растущего значения Азиатско-Тихоокеанского региона для американских интересов и необходимости противодействия усилению Китая. Данная стратегия предполагала увеличение военного присутствия США в регионе, укрепление союзнических отношений с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, развитие новых партнерств с Индией, Вьетнамом и другими странами региона, продвижение экономической интеграции через Транстихоокеанское партнерство. Разворот к Азии сопровождался риторикой о поддержке свободы судоходства, соблюдении международного права, мирном разрешении территориальных споров, что было направлено на сдерживание китайской экспансии в Южно-Китайском море. Однако реализация данной стратегии была осложнена ограниченностью ресурсов, необходимостью одновременного реагирования на кризисы на Ближнем Востоке и в Европе, сопротивлением Китая попыткам ограничить его влияние [27, с. 214].

Украинский кризис 2014 г. и воссоединение Крыма с Россией стали серьезным вызовом для внешней политики США и привели к резкому ухудшению российско-американских отношений. Администрация Обамы осудила действия России как нарушение территориальной целостности Украины и международного права, ввела экономические санкции против российских официальных лиц, компаний и секторов экономики, усилила военное присутствие НАТО в Восточной Европе. США активно поддерживали новое украинское правительство финансовой, экономической и военной помощью, способствовали международной изоляции России. Кризис в отношениях с Россией отразился на сотрудничестве по другим международным вопросам, включая Сирию, контроль над вооружениями, противодействие терроризму. Попытки перезагрузки российско-американских отношений в начале президентства Обамы, оказались неудачными [11, с. 156].

Избрание Д. Трампа президентом США в 2016 г. привело к радикальному пересмотру внешнеполитической риторики и подходов, хотя реальные изменения в политике были менее драматичным, чем декларируемые. Лозунг «Америка прежде всего» отражал националистическую, протекционистскую и изоляционистскую идеологию, критику глобализма, многосторонних институтов и союзнических обязательств. Трамп открыто критиковал предшественников за проведение дорогостоящих военных интервенций, несущих бремя обеспечения безопасности союзников, невыгодные торговые соглашения, поддержку международных организаций. Новая администрация провозгласила приоритет двусторонних отношений над многосторонними форматами, транзакционный подход к внешней политике, основанный на прагматическом расчете издержек и выгод каждого взаимодействия, готовность использовать экономическое давление для достижения политических целей [35, с. 193].

Внешнесполитическая практика администрации Трампа характеризовалась непредсказуемостью, импульсивностью решений, пренебрежением дипломатическими протоколами и традициями. Выход из Парижского соглашения по климату, совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Транстихоокеанского партнерства демонстрировал отказ от многосторонних

обязательств и международного сотрудничества. Трамп инициировал торговую войну с Китаем, введя масштабные пошлины на китайский импорт, обвинив Китай в нечестной торговой практике, краже интеллектуальной собственности, угрозе американской безопасности. Отношения с традиционными европейскими союзниками ухудшились из-за критики недостаточных оборонных расходов, угроз выхода из НАТО, торговых противоречий [8, с. 201].

Одновременно администрация Трампа предприняла неожиданные дипломатические инициативы, включая встречи с лидером КНДР Ким Чен Ыном, хотя они не привели к существенному прогрессу в денуклеаризации Корейского полуострова. Ближневосточная политика характеризовалась безоговорочной поддержкой Израиля, включая признание Иерусалима столицей, израильского суверенитета над Голанскими высотами, выдвижение плана мирного урегулирования, игнорирующего интересы палестинцев. Посредничество в нормализации отношений между Израилем и рядом арабских государств стало одним из немногих дипломатических достижений администрации. Отношения с Россией оставались противоречивыми – при личной симпатии Трампа к российскому президенту США продолжали политику санкций [24, с. 178].

Приход к власти администрации Дж. Байдена в 2021 г. сопровождался декларациями о возвращении к традиционным принципам американской внешней политики, восстановлении союзнических отношений, укреплении демократии и прав человека, многостороннем сотрудничестве для решения глобальных проблем. Новая администрация позиционировала противостояние авторитарным режимам и защиту демократических ценностей как центральную ось внешней политики, проводя разделительную линию между демократическими государствами и авторитарными режимами, прежде всего Китаем и Россией. Байден подтвердил приверженность трансатлантическому партнерству, вернулся в Парижское соглашение по климату, восстановил финансирование Всемирной организации здравоохранения, провел саммит демократий [16, с. 187].

Вместе с тем внешняя политика администрации Байдена характеризуется преемственностью по ряду направлений с политикой предшественников. Стратегическая конкуренция с Китаем остается главным приоритетом, причем

жесткая линия в отношении Пекина получила дальнейшее развитие – сохранены торговые пошлины, введены новые ограничения на экспорт высоких технологий, расширены военные связи с союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе, создан военно-политический блок *AUKUS*. вывод войск, подвергшийся критике со стороны союзников из Афганистана в августе 2021 г. нанес серьезный удар по авторитету США, продемонстрировал провал двадцатилетней миссии по строительству демократии, вызвал критику союзников, не консультировавшихся по этому решению. Украинский кризис 2022 г. стал центральным вызовом для администрации Байдена, которая заняла позицию активной военной, финансовой и политической поддержки Украины, консолидации западных союзников, введения беспрецедентных санкций против России [29, с. 165].

Эволюция внешнеполитической стратегии США в XXI в. отражает противоречие между стремлением сохранить глобальное лидерство и ограниченностью ресурсов, изменением характера угроз, усилением конкуренции со стороны других держав. Концепция однополярного момента, казавшаяся реалистичной в 1990-е гг. после окончания холодной войны, столкнулась с реальностью многополярного мира, где США вынуждены считаться с интересами и возможностями других центров силы. Попытки сохранить гегемонию через военные интервенции, смену неудобных режимов, расширение военно-политических блоков вызывают сопротивление и контрмеры со стороны других государств. Экономические издержки глобального военного присутствия США, внутрисполитическая усталость от бесконечных войн, обострение внутренних социально-экономических проблем ставят под вопрос устойчивость американского лидерства [21, с. 198].

Основные направления внешней политики США в XXI в. включают противодействие терроризму, которое остается постоянным приоритетом, хотя формы и методы борьбы эволюционируют от масштабных военных операций к точечным ударам, операциям спецназа, поддержке местных сил, работе с партнерами. Нераспространение оружия массового уничтожения продолжает занимать важное место в повестке безопасности США, несмотря на выход из ряда договоров и кризис системы контроля над вооружениями. Продвижение демократии

и прав человека декларируется как ценностная основа американской внешней политики, хотя на практике часто отступает перед прагматическими интересами и избирательно применяется от геополитических соображений [37, с. 223].

Рассмотрев эволюцию внешнеполитической стратегии США в XXI в., можно сравнить внешнею политику администраций США в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ внешнеполитических администраций США (2001–2025) [составлено автором]

Администрация	Базовая концепция	Главные угрозы (по NSS)	Основные инструменты	Влияние на международную безопасность
Дж. Буш-мл. (2001–2009)	Глобальная война с террором, превентивная война	Терроризм, «страны-изгои»	Военная сила, односторонние действия, смена режимов	Дестабилизация Ближнего Востока, эрозия международного права, рост антиамериканизма
Б. Обама (2009–2017)	«Умная сила» (<i>smart power</i>), разворот к Азии	Региональные кризисы, распространение ОМУ, изменение климата	Дрон-удары, санкции, многосторонняя дипломатия	Снижение вовлеченности на Ближнем Востоке, рост напряженности с Россией и Китаем
Д. Трамп (2017–2021)	«America First»	Китай, торговый дисбаланс, недобросовестные союзники	Экономическое давление, выход из соглашений, транзакционная дипломатия	Ослабление союзнических связей, кризис системы контроля над вооружениями, рост неопределенности
Дж. Байден (2021–2025)	Конкуренция демократий и автократий	Китай (стратегический конкурент), Россия (острая угроза)	Коалиционная политика, санкции, военная помощь союзникам	Консолидация Запада (НАТО, поддержка Украины), но углубление глобального раскола

Таким образом, внешняя политика США в XXI в. прошла несколько фаз – от глобальной войны с террором при Буше через «умную силу» Обамы и транзакционный национализм Трампа к конфронтационной дипломатии Байдена. При всех различиях сохраняются константы: стремление к глобальному лидерству, готовность применять силу, опора на союзы и противодействие конкурентам. Ключевой парадокс состоит в том, что попытки Вашингтона гарантировать свою

абсолютную безопасность (через превентивные войны и расширение НАТО) привели к обратному эффекту – возникновению новых очагов нестабильности (Ирак, Афганистан, Ливия), росту терроризма и эрозии международного права. Доктрина Буша продемонстрировала ограниченность военной силы как инструмента решения сложных политических задач.

2.2 Современные приоритеты внешней политики США в контексте международной безопасности

Современные приоритеты внешней политики Соединенных Штатов формируются под влиянием комплекса факторов, включающих трансформацию системы международных отношений, изменение характера угроз национальной безопасности, технологический прогресс, экономические интересы, идеологические установки и внутривнутриполитическую динамику. Стратегия национальной безопасности 2022 г., представленная администрацией Байдена, определяет основной вызов для США как стратегическую конкуренцию с авторитарными державами, прежде всего Китаем и Россией, которые стремятся изменить существующий международный порядок в свою пользу. Сравнение Стратегии национальной безопасности США (*National Security Strategy, NSS*) 2002 г. (администрация Буша), *NSS* 2015 г. (администрация Обамы) и *NSS* 2022 г. (администрация Байдена) демонстрирует фундаментальную эволюцию американских приоритетов. *NSS* 2002 исходила из однополярного момента и ставила во главу угла борьбу с терроризмом через превентивные войны. *NSS* 2015 уже фиксировала «возвращение великодержавной конкуренции», но сохраняла акцент на многосторонности. *NSS* 2022 прямо объявляет «стратегическую конкуренцию с автократиями» (де-факто с Китаем и Россией) главным вызовом. Эта эволюция означает, что США переходят от борьбы с негосударственными акторами (терроризм) к классическому великодержавному соперничеству, что качественно меняет характер угроз международной безопасности – от асимметричных к межгосударственным, от региональных к глобальным [12, с. 134].

Китай рассматривается в американских стратегических документах как единственный конкурент, обладающий намерением и возрастающими возможностями для изменения международного порядка, представляющий комплексный вызов во всех сферах – экономической, технологической, военной, дипломатической, идеологической. Стремительный экономический рост Китая, модернизация вооруженных сил, технологические достижения, расширение глобального влияния через инициативу «Пояс и путь», активная дипломатия создают угрозу американскому доминированию. США обеспокоены китайской экономической моделью, сочетающей государственный капитализм с элементами рыночной экономики, которая, по мнению американских политиков, основана на недобросовестной конкуренции, субсидировании государственных предприятий, принудительной передаче технологий, нарушении прав интеллектуальной собственности, манипуляции валютным курсом [18, с. 167].

Военное усиление Китая, особенно наращивание военно-морского флота, развитие ракетных технологий, модернизация ядерного арсенала, создание военных баз за рубежом, агрессивная риторика в отношении Тайваня вызывают серьезную обеспокоенность Вашингтона относительно намерений Пекина и баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе. Американская стратегия в отношении Китая сочетает элементы сдерживания, конкуренции и избирательного сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес, таким как изменение климата, ядерное нераспространение, глобальное здравоохранение. США стремятся консолидировать союзников и партнеров для противодействия китайскому влиянию, укрепляют военное присутствие в регионе, развивают альтернативные экономические механизмы, вводят ограничения на экспорт критических технологий в Китай [26, с. 189].

Россия определяется в американских документах как острая угроза, хотя и не обладающая сопоставимым с Китаем экономическим потенциалом. США обвиняют Россию в нарушении территориальной целостности соседних государств, подрыве демократических институтов в западных странах через информационные операции и вмешательство в выборы, нарушении международных обязательств в области

контроля над вооружениями, использовании энергетических ресурсов как инструмента политического давления. События 2022 г., связанные с украинским кризисом, привели к беспрецедентному обострению российско-американских отношений, введению масштабных санкций, фактическому замораживанию диалога по вопросам стратегической стабильности. Администрация Байдена заняла позицию активной поддержки Украины, консолидации трансатлантического единства, усиления НАТО, изоляции России на международной арене [7, с. 201].

Противодействие международному терроризму сохраняется в повестке национальной безопасности США, хотя и переместилось с вершины приоритетов на второй план по сравнению со стратегической конкуренцией с великими державами. Опыт двух десятилетий войны с терроризмом, включая затяжные конфликты в Афганистане и Ираке, привел к переосмыслению подходов к борьбе с террористической угрозой. Вывод войск из Афганистана в 2021 г. символизировал завершение эпохи масштабных военных интервенций и переход к стратегии «борьбы с терроризмом за горизонтом», предполагающей противодействие террористическим группировкам без постоянного военного присутствия на земле. США делают ставку на удаленные удары с использованием беспилотников и крылатых ракет, операции специальных сил, сотрудничество с местными партнерами, разведывательную деятельность, перекрытие финансирования террористов [33, с. 178].

Нераспространение оружия массового уничтожения и контроль над вооружениями остаются важными направлениями внешней политики США, несмотря на кризис договорной базы в этой сфере. Ядерные программы Ирана и Северной Кореи рассматриваются как серьезные угрозы региональной и глобальной безопасности. Политика в отношении иранской ядерной программы характеризуется противоречиями – администрация Трампа вышла из Совместного всеобъемлющего плана действий и ввела режим максимального давления через санкции, в то время как администрация Байдена декларировала готовность вернуться к соглашению при условии возвращения Ирана к выполнению своих обязательств, однако переговоры зашли в тупик. Северокорейская ядерная программа остается нерешенной

проблемой, попытки дипломатического прорыва при Трампе не привели к денуклеаризации полуострова [15, с. 156].

Изменение климата и энергетическая безопасность заняли более заметное место во внешнеполитической повестке США при администрации Байдена, которая позиционирует борьбу с климатическими изменениями как приоритет национальной безопасности и возможность для американского лидерства. Возвращение в Парижское соглашение, проведение саммита по климату, обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, инвестиции в зеленую энергетику направлены на восстановление роли США в глобальном климатическом управлении. Однако внутривнутриполитические противоречия, сопротивление энергетических компаний, зависимость от ископаемого топлива осложняют реализацию амбициозных климатических целей. Энергетическая политика балансирует между стремлением к энергетической независимости и необходимостью обеспечения энергетической безопасности союзников [22, с. 193].

Экономическая безопасность и торговая политика рассматриваются через призму стратегической конкуренции и защиты национальных интересов. Администрация Байдена сохранила многие торговые ограничения, введенные при Трампе, включая пошлины на китайский импорт, экспортный контроль в отношении критических технологий, проверку иностранных инвестиций в чувствительные сектора. Концепция *friend-shoring* предполагает реструктуризацию цепочек поставок в пользу дружественных и надежных партнеров, снижение зависимости от потенциальных противников. США продвигают инициативы экономического взаимодействия с союзниками, такие как Индо-Тихоокеанская экономическая рамочная программа, инициатива «Партнерство для глобальной инфраструктуры и инвестиций» как альтернатива китайской инициативе «Пояс и путь» [31, с. 211].

Технологическое лидерство является ключевым элементом стратегии сохранения глобального доминирования США. Конкуренция в сфере критических и возникающих технологий – искусственного интеллекта, квантовых вычислений, биотехнологий, полупроводников, гиперзвукового оружия – рассматривается как определяющая для будущего баланса сил. США инвестируют значительные ресурсы

в исследования и разработки, стремятся сохранить преимущество в инновациях, предотвратить передачу технологий потенциальным противникам. Закон о чипах и науке 2022 г. предусматривает масштабное финансирование полупроводниковой отрасли и научных исследований для противодействия китайским технологическим амбициям. Экспортный контроль используется для ограничения доступа Китая к передовым полупроводникам и оборудованию для их производства [9, с. 187].

Кибербезопасность выходит на передний план в условиях растущей зависимости от цифровых технологий и увеличения числа кибератак. США сталкиваются с угрозами со стороны государственных и негосударственных акторов, осуществляющих кибершпионаж, хищение интеллектуальной собственности, атаки на критическую инфраструктуру, вмешательство в политические процессы. Администрация Байдена уделяет повышенное внимание укреплению кибербезопасности, координации действий государственных органов и частного сектора, международному сотрудничеству в киберпространстве. США обвиняют Россию, Китай, Иран, Северную Корею в проведении вредоносных киберопераций и применяют санкции за такие действия [28, с. 201].

Укрепление альянсов и партнерств рассматривается как стратегическое преимущество США в конкуренции с авторитарными державами. Администрация Байдена предприняла усилия по восстановлению трансатлантических отношений, пострадавших при Трампе, провела серию саммитов с союзниками, подтвердила обязательства по коллективной обороне в рамках НАТО, координирует действия в отношении Китая и России. В Индо-Тихоокеанском регионе США развивают многоуровневую сеть союзов и партнерств, включающую двусторонние альянсы с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, Таиландом, многосторонние форматы *Quad* с участием Индии, Японии, Австралии, *AUKUS* с Австралией и Великобританией. Расширение НАТО за счет Финляндии и Швеции рассматривается как укрепление трансатлантической безопасности [17, с. 178].

Ценностная дипломатия и защита демократии позиционируются администрацией Байдена как центральный элемент внешней политики США, противопоставляя демократические ценности и права человека авторитаризму и

репрессиям. Саммит демократий, проведенный в 2021 г., был призван консолидировать демократические государства, выработать общие подходы к защите демократических институтов, противодействию коррупции, борьбе с авторитаризмом. Критики указывают на избирательность применения правозащитной риторики, двойные стандарты в отношениях с авторитарными режимами, являющимися союзниками США, противоречие между декларируемыми ценностями и реальной политикой [35, с. 214].

Региональные приоритеты внешней политики США варьируются в зависимости от стратегической значимости регионов. Индо-Тихоокеанский регион признается наиболее важным для американских интересов в связи с возрастающей ролью Китая, экономическим динамизмом, концентрацией глобальной торговли. Европа остается ключевым союзником и партнером, хотя отношения осложняются различиями в оценке угроз, торговыми противоречиями, дебатами о распределении бремени обороны. Ближний Восток характеризуется стремлением США снизить вовлеченность в региональные конфликты, переориентировать внимание на другие регионы, при сохранении базовых интересов в обеспечении безопасности Израиля, противодействии Ирану, поддержании доступа к энергоресурсам. Латинская Америка и Африка получают меньше внимания, рассматриваются преимущественно через призму конкуренции с Китаем и Россией за влияние [20, с. 198].

На основе проведенного анализа можно выделить четыре фундаментальных противоречия:

1 Лидерство ↔ Многополярность: США стремятся сохранить глобальное лидерство, но их выход из договоров и торговая война подталкивают мир к многополярности, где американское влияние объективно снижается.

2 Продвижение демократии ↔ Национальный суверенитет: Попытки экспортировать демократию военной силой (Ирак, Ливия, Афганистан) разрушают государственность и ведут к анархии, дискредитируя саму идею демократизации.

3 Расширение НАТО ↔ Стратегическая стабильность: Приём новых членов укрепляет безопасность одних государств (Центральная и Восточная Европа), но

подрывает стратегическую стабильность в отношениях с Россией и ведёт к новой конфронтации.

4 Сдерживание Китая ↔ Риск военной конфронтации: Стратегия *containment*, особенно в тайваньском вопросе, без надёжных каналов кризисной коммуникации повышает риск непреднамеренного военного столкновения двух ядерных держав.

Таким образом, современные приоритеты внешней политики США отражают попытку адаптации к изменяющейся системе международных отношений, где американская гегемония сталкивается с вызовами со стороны восходящих держав, транснациональных угроз, технологических трансформаций. Стратегическая конкуренция с Китаем и противодействие России определяют основную логику американской внешней политики, в то время как традиционные приоритеты безопасности интегрируются в более широкий контекст геополитического соперничества. Успех американской стратегии будет зависеть от способности мобилизовать внутренние ресурсы, консолидировать союзников, адаптировать инструменты внешней политики к новым реалиям и найти баланс между конкуренцией и сотрудничеством с другими великими державами.

Глава 3 Влияние внешней политики США на региональную и глобальную безопасность

3.1 Воздействие внешней политики США на систему европейской безопасности и деятельность НАТО

Североатлантический альянс представляет собой краеугольный камень системы европейской безопасности и основной инструмент реализации американской стратегии в Европе с момента своего создания в 1949 г. В XXI в. роль НАТО и характер трансатлантических отношений претерпели существенные изменения, отражающие трансформацию угроз безопасности, расширение географии деятельности альянса, эволюцию американских приоритетов и возникновение новых линий противостояния в Европе. Влияние внешней политики США на европейскую безопасность осуществляется прежде всего через механизмы НАТО, определение стратегических концепций альянса, размещение американских военных контингентов и инфраструктуры на европейской территории, формирование повестки безопасности и определение характера отношений с Россией [13, с. 145].

После окончания холодной войны НАТО столкнулась с необходимостью переосмысления своей роли в условиях исчезновения главной угрозы в лице Советского Союза. Трансформация альянса включала расширение членства, изменение военной стратегии, развитие новых функций кризисного реагирования и операций по поддержанию мира. Соединенные Штаты выступали главным архитектором и движущей силой процесса расширения НАТО, который осуществлялся в несколько волн – в 1999 г. к альянсу присоединились Польша, Чехия и Венгрия, в 2004 г. – Болгария, Румыния, Словакия, Словения, страны Балтии, в 2009 г. – Албания и Хорватия, в 2017 г. – Черногория, в 2020 г. – Северная Македония. Расширение НАТО обосновывалось необходимостью консолидации демократических преобразований в Центральной и Восточной Европе, распространения зоны стабильности, предоставления гарантий безопасности новым демократиям [27, с. 167].

Однако процесс расширения НАТО вызвал резко негативную реакцию со стороны России, которая рассматривала продвижение военного блока к своим границам как угрозу национальной безопасности и нарушение обещаний, данных в период объединения Германии. Российские политики и эксперты утверждали, что расширение НАТО ведет к созданию новых разделительных линий в Европе, подрывает стратегическую стабильность, игнорирует российские интересы безопасности. США отвергали российские претензии, указывая на суверенное право государств выбирать собственные союзы и партнерства, на оборонительный характер НАТО, на необходимость защиты новых членов от потенциальных угроз. Противоречия вокруг расширения НАТО стали одним из источников ухудшения российско-американских и российско-европейских отношений [19, с. 189].

Вопрос о перспективах членства Украины и Грузии в НАТО стал особенно острым после Бухарестского саммита 2008 г., где было заявлено, что эти страны станут членами альянса, хотя конкретные сроки и механизмы не определялись. Россия восприняла это как пересечение красных линий и угрозу своим жизненно важным интересам. Конфликт в Грузии в августе 2008 г. и последующий украинский кризис 2014 г. продемонстрировали готовность России использовать военную силу для предотвращения дальнейшего расширения НАТО на постсоветском пространстве. События 2022 г., связанные с началом российской специальной военной операции на Украине, которая, по заявлениям российского руководства, была вызвана в том числе угрозой дальнейшего расширения НАТО и милитаризации Украины, привели к радикальной трансформации системы европейской безопасности [8, с. 201].

Реакция США и НАТО на украинский кризис 2022 г. включала военную, финансовую и политическую поддержку Украины [24, с. 178].

Масштаб военной и финансовой поддержки, оказываемой США можно увидеть в таблице 3.

Таблица 3 – Военная и финансовая поддержка США европейской безопасности (2022–2024) [составлено автором]

Показатель	Значение	Источник
Военная помощь Украине (2022–2024)	~75 млрд долл.	Пентагон, 2024
Доля США в общих расходах НАТО (2023)	~68 %	<i>NATO Public Diplomacy</i>
Дополнительные войска США в Европе с 2022 г.	~20 000 чел.	<i>US EUCOM</i>
Американские военные базы в Европе	~100 млрд долл. (включая Германию, Италию, Великобританию)	GAO, 2023
Финансирование <i>European Deterrence Initiative</i> (2023)	6,9 млрд долл.	<i>DoD Budget</i>

Мадридский саммит НАТО 2022 г. утвердил новую Стратегическую концепцию альянса, в которой Россия впервые была обозначена как «наиболее значительная и прямая угроза» безопасности союзников и евроатлантической безопасности. Концепция предусматривает усиление военной готовности, увеличение численности сил быстрого реагирования, размещение дополнительных воинских контингентов на восточном фланге, модернизацию военной инфраструктуры, увеличение оборонных расходов. США значительно расширили свое военное присутствие в Европе, разместив дополнительные войска в Польше, странах Балтии, Румынии, создав новую штаб-квартиру V корпуса армии США в Польше, увеличив количество военной техники и вооружений в рамках программы *European Deterrence Initiative* [11, с. 156].

Присоединение Финляндии к НАТО в апреле 2023 г. и Швеции в марте 2024 г. стало важнейшей геополитической трансформацией, изменившей стратегический ландшафт Северной Европы. Решение этих традиционно нейтральных стран вступить в альянс было обусловлено изменившейся оценкой угроз безопасности после событий 2022 г.. США активно поддерживали заявки Финляндии и Швеции на членство, рассматривая их вступление как укрепление северного фланга НАТО, усиление военного потенциала альянса за счет хорошо подготовленных

вооруженных сил, расширение периметра сдерживания России. Расширение НАТО за счет скандинавских стран существенно увеличило протяженность сухопутной границы альянса с Россией, изменило баланс сил в Балтийском регионе. С точки зрения влияния на европейскую безопасность, вступление Финляндии и Швеции в НАТО является двойственным явлением. С одной стороны, оно укрепляет северный фланг альянса и усиливает сдерживание России. С другой стороны, оно ликвидирует «буферные» нейтральные государства между Россией и НАТО, увеличивая протяженность прямой границы и, соответственно, количество потенциальных точек военного инцидента [33, с. 193].

Дискуссии о распределении бремени обороны между США и европейскими союзниками остаются постоянным источником напряженности в трансатлантических отношениях. Американские администрации неоднократно критиковали европейских союзников за недостаточные оборонные расходы, неравномерное распределение военных обязательств, зависимость от американских гарантий безопасности. На саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г. союзники договорились о цели выделения 2 % ВВП на оборону, однако многие европейские страны не достигли этого показателя. Администрация Трампа особенно резко критиковала союзников за иждивенчество, угрожала сократить американское военное присутствие в Европе, ставила под сомнение обязательства США по статье 5 Вашингтонского договора [16, с. 178].

События 2022 г. стимулировали существенное увеличение оборонных расходов европейскими государствами. Германия объявила о выделении специального фонда в 100 млрд евро на модернизацию бундесвера и обязалась достичь показателя 2 % ВВП на оборону, другие европейские страны также существенно увеличили военные бюджеты. Однако остаются вопросы о долгосрочной устойчивости этих увеличений, эффективности европейских военных расходов, способности европейских союзников действовать автономно в случае снижения американского вовлечения. Дебаты о стратегической автономии Европы, развитии собственных оборонных возможностей ЕС, соотношении между евроатлантической и европейской безопасностью продолжаются [28, с. 201].

Ядерное сдерживание остается фундаментальным элементом стратегии НАТО, и американские ядерные силы обеспечивают основу коллективной обороны альянса. США размещают тактическое ядерное оружие на территории нескольких европейских союзников в рамках механизма ядерного участия, проводят учения по применению ядерного оружия, гарантируют ядерный зонтик над Европой. Модернизация американских ядерных сил в Европе, включая развертывание новых тактических ядерных бомб B61–12, вызывает противоречивую реакцию – с одной стороны, укрепляет гарантии безопасности союзников, с другой – повышает напряженность в отношениях с Россией, которая также модернизирует свои тактические ядерные силы и риторически угрожает их применением [35, с. 214].

Кризис системы контроля над вооружениями в Европе негативно влияет на региональную безопасность. Прекращение действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в 2019 г. после выхода США, обвинивших Россию в его нарушении, устранило важные ограничения на развертывание наземных ракет в Европе. Приостановление Россией участия в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе, заморозка выполнения Договора СНВ–3 создают неопределенность относительно будущего стратегической стабильности. США не проявляют заинтересованности в восстановлении договорной базы с Россией, ссылаясь на российские нарушения, необходимость включения Китая в переговоры по контролю над вооружениями, изменившуюся стратегическую ситуацию [15, с. 189].

Операции НАТО за пределами зоны ответственности альянса отражают расширение понимания угроз безопасности и готовность США использовать НАТО как инструмент глобального влияния. Военная операция в Афганистане стала первым случаем применения статьи 5 о коллективной обороне и самой продолжительной военной кампанией в истории альянса. Операция в Ливии в 2011 г. продемонстрировала возможности коалиционных действий, но также выявила ограничения европейских военных возможностей и различия в оценках целесообразности интервенции. Противоречивые итоги этих операций, включая вывод войск, подвергшийся критике со стороны союзников из Афганистана в 2021 г., поставили вопросы об эффективности экспедиционных операций НАТО и приоритетах альянса [22, с. 198].

Взаимодействие НАТО с Европейским союзом в сфере безопасности и обороны остается сложным и порой противоречивым. США традиционно поддерживали развитие европейских оборонных возможностей при условии, что они дополняют, а не дублируют или конкурируют с НАТО, не создают альтернативных структур планирования и командования, не исключают участие неевропейских союзников. Инициативы ЕС по развитию общей политики безопасности и обороны, европейского оборонного фонда, постоянного структурированного сотрудничества вызывают опасения американских политиков относительно возможного ослабления трансатлантической связи, дублирования ресурсов, создания барьеров для американских оборонных компаний [9, с. 178].

Таким образом, влияние внешней политики США на систему европейской безопасности и деятельность НАТО остается определяющим, несмотря на дискуссии о распределении бремени, стратегической автономии Европы и американских приоритетах. США продолжают обеспечивать военное лидерство в альянсе, определять стратегические концепции, формировать повестку безопасности, гарантировать ядерное сдерживание. События последних лет привели к возрождению традиционной функции НАТО как инструмента коллективной обороны против российской угрозы, усилению военного присутствия США в Европе, расширению альянса. Будущее трансатлантических отношений и европейской безопасности будет зависеть от способности союзников согласовывать приоритеты, справедливо распределять ответственность и находить баланс между сдерживанием и диалогом.

3.2 Политика США на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и её влияние на региональную стабильность

Ближний Восток и Северная Африка представляют регион особого стратегического значения для внешней политики США, что обусловлено концентрацией энергетических ресурсов, геополитическим положением, историческими обязательствами перед Израилем, угрозами терроризма и

радикализма, соперничеством с региональными и глобальными конкурентами. Вместе с тем американская политика на Ближнем Востоке в XXI в. характеризуется противоречиями между декларируемыми целями и достигнутыми результатами, между стремлением к снижению вовлеченности и необходимостью реагирования на кризисы, между поддержкой союзников и продвижением демократических ценностей. Военные интервенции США в регионе привели к дестабилизации государств, росту радикализма, гуманитарным катастрофам, но не обеспечили долгосрочной стабильности и безопасности [10, с. 134].

Военная операция в Ираке 2003 г. стала поворотным событием, последствия которого продолжают ощущаться два десятилетия спустя. Свержение режима Саддама Хусейна, осуществленное США в обход Совета Безопасности ООН под предлогом наличия оружия массового уничтожения, которое так и не было обнаружено, привело к распаду государственных институтов, разгулу насилия, возникновению повстанческого движения, межконфессиональным конфликтам между шиитами и суннитами. Попытки США построить демократическую систему в Ираке столкнулись с отсутствием традиций гражданского общества, доминированием клановых и религиозных идентичностей, внешним вмешательством соседних государств. Иракский конфликт обошелся США в триллионы долларов, тысячи погибших американских военнослужащих, подрвал международный авторитет Соединенных Штатов [26, с. 167].

Возникновение террористической организации «Исламское государство» стало прямым следствием дестабилизации Ирака и Сирии. Радикальная группировка, провозгласившая создание халифата, захватила обширные территории в Ираке и Сирии, совершила массовые зверства, привлекла тысячи иностранных боевиков, осуществила серию террористических атак по всему миру. США сформировали международную коалицию для борьбы с ИГ, проводили масштабные воздушные бомбардировки, оказывали поддержку местным силам на земле, включая курдские формирования и иракскую армию. К 2019 г. территориальный контроль террористического ИГ был ликвидирован, но идеология и структуры организации сохраняются, угроза радикализма остается актуальной [18, с. 189].

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 г. в рамках «арабской весны», превратился в сложную многостороннюю войну с участием множества внутренних и внешних акторов. Политика США в отношении Сирии характеризовалась непоследовательностью и ограниченной эффективностью. Администрация Обамы поддержала оппозицию режиму Башара Асада, провозгласила требование его отставки, оказывала помощь умеренной оппозиции, но воздержалась от прямой военной интервенции после провозглашения «красных линий» относительно применения химического оружия. Военное вмешательство России в 2015 г. на стороне сирийского правительства изменило баланс сил в конфликте, обеспечило выживание режима Асада, продемонстрировало ограниченность американского влияния в регионе [31, с. 201].

Отношения США с Ираном остаются одним из наиболее конфликтных аспектов ближневосточной политики. Иранская ядерная программа рассматривается Вашингтоном как угроза региональной и глобальной безопасности, распространению ядерного оружия, интересам Израиля и суннитских союзников США. Совместный всеобъемлющий план действий 2015 г. стал результатом многолетних переговоров и предусматривал ограничения иранской ядерной программы в обмен на снятие международных санкций. Однако администрация Трампа вышла из соглашения в 2018 г., обвинив Иран в его нарушении и дестабилизирующей региональной деятельности, ввела режим максимального давления через восстановление и расширение санкций. Иран ответил постепенным отходом от обязательств по соглашению, наращиванием обогащения урана, жесткой риторикой [14, с. 178].

Попытки администрации Байдена возобновить соглашение столкнулись с существенными препятствиями, включая иранские требования гарантий от будущего выхода США, вопросы о региональной деятельности Ирана и его ракетной программе, изменившийся политический контекст. Косвенные переговоры через европейских посредников не привели к прорыву, иранская ядерная программа продолжила развиваться, приблизившись к порогу создания ядерного оружия. Региональное противостояние между Ираном и его противниками, включая Израиль

и суннитские монархии Персидского залива, проявляется в прокси-конфликтах в Йемене, Сирии, Ираке, Ливане. США поддерживают своих региональных союзников в сдерживании иранского влияния, но стремятся избежать прямого военного столкновения с Ираном [23, с. 193].

Отношения США с Израилем остаются особенным элементом американской ближневосточной политики, основанным на исторических, стратегических, ценностных связях и влиянии произраильского лобби в американской политике. США обеспечивают Израилю масштабную военную помощь, дипломатическую поддержку в международных организациях, координацию по вопросам региональной безопасности. Администрация Трампа предприняла ряд беспрецедентных шагов в поддержку Израиля, включая признание Иерусалима столицей и перенос туда американского посольства, признание израильского суверенитета над Голанскими высотами, выдвижение плана мирного урегулирования израильско-палестинского конфликта, полностью игнорирующего палестинские требования [7, с. 201].

Абрахамские соглашения 2020 г., предусматривающие нормализацию отношений между Израилем и рядом арабских государств, включая ОАЭ, Бахрейн, Марокко, Судан, стали дипломатическим достижением администрации Трампа. Эти соглашения изменили региональную динамику, создали новые возможности для экономического и технологического сотрудничества, укрепили антииранскую коалицию. Однако они обошли вопрос создания палестинского государства, что вызвало критику со стороны палестинцев и части международного сообщества. Эскалация израильско-палестинского конфликта в 2021 и 2023 г. продемонстрировала, что игнорирование палестинского вопроса не может обеспечить долгосрочную стабильность [20, с. 178].

Таким образом, политика США на Ближнем Востоке в XXI в. характеризовалась доминированием военно-силовых методов, что привело к разрушению государственных институтов (Ирак, Ливия), возникновению террористической организации «Исламского государства», затяжному гуманитарному кризису в Сирии. Иранская ядерная проблема осталась нерешённой,

а израильско-палестинский конфликт – законсервированным. Декларируемая цель построения демократической стабильности не достигнута; регион стал более хаотичным и непредсказуемым.

В Северной Африке ключевым эпизодом американского вмешательства стала военная операция в Ливии 2011 г. Администрация Обамы, действуя под эгидой резолюции Совета Безопасности ООН 1973 о защите гражданского населения, но фактически превысив её мандат, поддержала военную интервенцию НАТО, приведшую к свержению режима Муаммара Каддафи. В отличие от иракского сценария, США предпочли роль «ведущего из-за спины», передав основную нагрузку европейским союзникам, но сохранив ключевые возможности по нанесению высокоточных ударов и разведывательной поддержке [29, с. 189].

В Северной Африке американская политика (особенно участие в интервенции в Ливии в 2011 г.) способствовала свержению режима М. Каддафи, но не обеспечила последующего урегулирования. Результатом стали распад страны, превращение Ливии в транзитную зону для нелегальной миграции и террористических групп, дестабилизация региона Сахеля. США продемонстрировали неспособность к постконфликтному восстановлению, что привело к дальнейшему снижению их вовлечённости в дела Северной Африки [37, с. 214].

Азиатско-Тихоокеанский регион, переименованный американскими стратегами в Индо-Тихоокеанский для подчеркивания значимости Индийского океана и роли Индии, стал главным приоритетом внешней политики США в XXI в.. Динамичное экономическое развитие региона, концентрация значительной части глобального ВВП и населения, ключевые торговые маршруты, возрастающая мощь Китая определяют стратегическую значимость региона для американских интересов. США стремятся сохранить доминирующее влияние в Азии, сдержать усиление Китая, поддержать благоприятный баланс сил, обеспечить свободу навигации, укрепить союзнические отношения, продвигать собственную модель регионального порядка на либеральных принципах и американском лидерстве [12, с. 167].

Стратегия разворота к Азии, провозглашенная администрацией Обамы и продолженная последующими администрациями под разными названиями,

предполагает переориентацию американских дипломатических, экономических и военных ресурсов в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Военное измерение стратегии включает увеличение доли военно-морских сил США, дислоцированных в регионе, развертывание передовых систем вооружений, расширение военной инфраструктуры, интенсификацию военных учений с союзниками и партнерами. Дипломатическая активность охватывает укрепление двусторонних союзов, развитие многосторонних форматов сотрудничества, вовлеченность в региональные организации. Экономическое измерение первоначально предполагало Транстихоокеанское партнерство, из которого США вышли при Трампе, а затем было заменено более ограниченными инициативами [25, с. 193].

Китай представляет центральный вызов американской стратегии в Азии и рассматривается как единственный конкурент, способный изменить региональный и глобальный порядок. Экономическое усиление Китая, модернизация вооруженных сил, растущее дипломатическое влияние, технологические достижения создают угрозу американскому доминированию в регионе. Территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море, строительство искусственных островов и их милитаризация, агрессивная риторика в отношении Тайваня вызывают обеспокоенность США и региональных союзников. Американская политика в отношении Китая сочетает элементы сдерживания через наращивание военного присутствия, укрепление союзов, экономическое давление, конкуренцию в технологической сфере и сотрудничество по глобальным вопросам [17, с. 178].

Таблица 4 – Основные элементы стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе
[составлено автором]

Направление	Инструменты	Цели
1	2	3
Военное присутствие	Размещение 60 % ВМС США, передовые системы ПРО, военные базы в Японии, Южной Корее, Гуаме	Сдерживание Китая, обеспечение свободы навигации, поддержка союзников
Система альянсов	Двусторонние союзы с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, Таиландом	Коллективная безопасность, координация действий против общих угроз

1	2	3
Многосторонние форматы	<i>Quad, AUKUS</i> , расширенное участие в <i>АСЕАН</i>	Формирование коалиций, балансирование против Китая
Экономическая стратегия	Индо-Тихоокеанская экономическая рамочная программа, торговые соглашения, инвестиции в инфраструктуру	Альтернатива китайскому экономическому влиянию, интеграция дружественных экономик
Технологическая конкуренция	Экспортный контроль, альянсы в сфере технологий, защита цепочек поставок	Сохранение технологического лидерства, ограничение доступа Китая к критическим технологиям

Тайваньский вопрос является наиболее опасной точкой потенциального конфликта между США и Китаем. США не признают официально независимость Тайваня, придерживаясь политики «одного Китая», но обязуются содействовать способности острова к самообороне через поставки вооружений и неформальные гарантии безопасности. Китай рассматривает Тайвань как неотъемлемую часть своей территории и не исключает применение силы для воссоединения. Растущая напряженность вокруг Тайваня, включая увеличение китайских военных учений, американские поставки вооружений, визиты американских официальных лиц на остров, повышает риск военного столкновения, которое может иметь катастрофические последствия для глобальной безопасности [33, с. 201].

Альянс США с Японией представляет краеугольный камень американского военного присутствия в Азии и включает размещение значительных американских военных контингентов на японской территории, совместное планирование обороны, военные учения, технологическое сотрудничество. Япония увеличивает оборонные расходы, расширяет военные возможности, пересматривает пацифистскую конституцию в ответ на растущие угрозы со стороны Китая и Северной Кореи. Токио и Вашингтон координируют позиции по региональным вопросам безопасности, включая Тайвань, Южно-Китайское море, денуклеаризацию Корейского полуострова. Исторические противоречия между Японией и Южной Кореей осложняют формирование трехстороннего сотрудничества в области безопасности [8, с. 189].

Альянс с Южной Кореей фокусируется на сдерживании северокорейской угрозы и включает размещение американских войск, системы противоракетной

обороны, совместные военные учения, механизмы консультаций. Северокорейская ядерная и ракетная программа остается серьезным вызовом для региональной безопасности. Попытки США добиться денуклеаризации Корейского полуострова через переговоры, санкции, давление на Китай не увенчались успехом. Дипломатический прорыв при Трампе, включавший беспрецедентные встречи с Ким Чен Ыном, не привел к существенному прогрессу. Северная Корея продолжила развивать ядерный арсенал и средства доставки, включая межконтинентальные баллистические ракеты [28, с. 178].

Quad – многосторонний диалог по безопасности между США, Японией, Индией и Австралией – представляет важный элемент стратегии США по формированию коалиции для балансирования против Китая. Первоначально созданный в 2007 г. и возрожденный в 2017 г., *Quad* расширил повестку от обсуждений безопасности к сотрудничеству в области технологий, инфраструктуры, климата, здравоохранения. Проведение регулярных встреч лидеров, военных учений, координация позиций по региональным вопросам укрепляет *Quad* как институциональный механизм. Китай критикует *Quad* как попытку создания азиатского НАТО и сдерживания Китая [15, с. 193].

AUKUS – военно-политический союз между США, Великобританией и Австралией, объявленный в 2021 г. – направлен на углубление сотрудничества в области обороны и безопасности, включая помощь Австралии в создании флота атомных подводных лодок, совместную работу над передовыми военными технологиями, координацию стратегий в Индо-Тихоокеанском регионе. Создание *AUKUS* вызвало дипломатический кризис с Францией, чей контракт на поставку Австралии дизельных подводных лодок был аннулирован, и негативную реакцию Китая, увидевшего в альянсе угрозу своим интересам [22, с. 201].

Отношения США с Индией развиваются в направлении стратегического партнерства, хотя и не достигли уровня формального союза. США рассматривают Индию как важного партнера в балансировании против Китая, учитывая ее географическое положение, растущий экономический и военный потенциал, демократический режим. Развитие оборонного сотрудничества, включая поставки

американских вооружений, совместные военные учения, обмен разведданными, упрощение передачи технологий, укрепляет двустороннее партнерство. Однако Индия сохраняет стратегическую автономию, поддерживает отношения с Россией, воздерживается от жесткой антикитайской риторики [19, с. 178].

В АТР внешняя политика США переориентирована на стратегическое сдерживание Китая через систему альянсов (*AUKUS*, *Quad*), наращивание военного присутствия и технологическую конкуренцию. Это создаёт риски новой гонки вооружений, эскалации вокруг Тайваня и фрагментации региональной экономики. Одновременно нерешённой остаётся северокорейская ядерная проблема.

Таким образом, анализ трёх регионов показывает, что внешняя политика США оказывает разнонаправленное, но в целом дестабилизирующее влияние на региональную безопасность. На Ближнем Востоке и в Северной Африке преобладают последствия военных интервенций и гуманитарные катастрофы. В АТР – формирование блоковой конфронтации, что приближает систему к «новой холодной войне». США не смогли предложить устойчивых механизмов урегулирования, заменяя их силовым давлением или частичным уходом из региона.

Заключение

Проведённое исследование влияния внешней политики США на международную безопасность в XXI в. позволяет сформулировать ряд важных выводов относительно механизмов, направлений и последствий американского воздействия на глобальную и региональную системы безопасности. Анализ теоретических основ международной безопасности и внешней политики государств показал, что современное понимание безопасности вышло за рамки традиционного военно-политического измерения и охватывает экономические, экологические, информационные, гуманитарные и другие аспекты. Структура международной безопасности представляет собой многоуровневую систему, включающую глобальный, региональный и национальный уровни, функционирующую на основе сочетания принципов коллективной безопасности, коллективной обороны и национальной ответственности государств. Трансформация характера угроз в XXI в., возникновение транснациональных вызовов безопасности требуют новых подходов и инструментов международного сотрудничества.

Исследование основных концепций и инструментов внешней политики государств выявило разнообразие теоретических подходов к анализу внешнеполитической деятельности, включающих реалистическую, либеральную и конструктивистскую парадигмы, каждая из которых акцентирует различные аспекты формирования и реализации внешней политики. Современные государства располагают широким арсеналом внешнеполитических инструментов, охватывающих дипломатические, экономические, военные, информационные средства воздействия, а также механизмы мягкой силы. Эффективность внешней политики определяется адекватностью выбранных стратегий национальным интересам, реальным возможностям государства и особенностям международной ситуации.

Данное исследование подтверждает двойственный характер воздействия внешней политики США на международную безопасность.

С одной стороны, Вашингтон объективно способствовал консолидации западных союзников в борьбе с общими угрозами и поддержанию определённого уровня стратегической стабильности за счёт системы альянсов и ядерного сдерживания.

С другой стороны, односторонние военные интервенции (Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия), расширение НАТО без учёта российских интересов, политика максимального давления на Иран и жёсткое сдерживание Китая привели к дестабилизации целых регионов, эрозии международно-правовых норм и возврату великодержавной конфронтации, характерной для периода Холодной войны.

Наиболее значимым системным последствием является переход от однополярного мира к многополярному соперничеству, где США, пытаясь удержать лидерство, одновременно подрывают институты и нормы, на которых это лидерство исторически основывалось. В европейском регионе американская политика привела к милитаризации восточного фланга НАТО, вступлению Финляндии и Швеции в альянс и фактическому замораживанию диалога с Россией. На Ближнем Востоке и в Северной Африке результатом стали разрушенные государства, гуманитарные катастрофы и распространение радикализма. В АТР – формирование блоковой конфронтации (*AUKUS, Quad*), что приближает систему к «новой холодной войне».

Перспективы международной безопасности будут определяться тем, сможет ли Вашингтон перейти от логики диктата и одностороннего силового давления к логике баланса интересов, многосторонних институтов и учёта позиций других центров силы. В противном случае нарастание хаоса и непреднамеренная эскалация конфликтов останутся главными рисками для глобальной стабильности на ближайшие десятилетия.

Список использованных источников

- 1 Арбатов А. Г. Контроль над вооружениями: новая ситуация и перспективы. М. : ИМЭМО РАН, 2020. 156 с.
- 2 Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2019. 614 с.
- 3 Богатуров А. Д. Системная история международных отношений. М. : НОФМО, 2018. 496 с.
- 4 Воронцов А. В. Ядерная проблема Корейского полуострова // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 3. С. 76–89.
- 5 Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М. : Логос, 2020. 432 с.
- 6 Давыдов Ю. П. США и Россия: превратности отношений // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 4. С. 42–58.
- 7 Денисов И. Е. Китайско-американские отношения: динамика и перспективы // Международные процессы. 2023. № 1. С. 197–212.
- 8 Дубинин Ю. А. Трансатлантическое партнерство в XXI веке. М. : Весь Мир, 2021. 288 с.
- 9 Загорский А. В. Европейская безопасность: новая архитектура и роль НАТО // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 196–211.
- 10 Звягельская И. Д. Ближний Восток: трансформации и новые вызовы М. : Аспект Пресс, 2020. 224 с.
- 11 Иванов И. С. Международная безопасность в эпоху перемен. М. : РСМД, 2021. 240 с.
- 12 Истомин И. А. Стратегия национальной безопасности США // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 6. С. 130–145.
- 13 Караганов С. А. Внешняя политика России: исторический фон и современность. М. : АСТ, 2019. 352 с.
- 14 Кисляков В. А. Иранская ядерная программа и международная безопасность // Вестник МГИМО. 2022. № 2. С. 175–192.

- 15 Кокошин А. А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки. М. : ЛЕНАНД, 2023. 248 с.
- 16 Колдунова Е. В. Quad: институционализация многостороннего сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 8. С. 173–181.
- 17 Картунов А. В. Россия и США: перспективы диалога // Россия в глобальной политике. 2021. № 5. С. 174–186.
- 18 Косач Г. Г. Ближний Восток в стратегии США // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 4. С. 162–178.
- 19 Кременюк В. А. Современный международный конфликт: проблемы управления. М. : Аспект Пресс, 2020. 224 с.
- 20 Лебедева М. М. Мировая политика. М. : КноРус, 2021. 256 с.
- 21 Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом: российско-китайские отношения. М. : Восток-Запад, 2019. 640 с.
- 22 Мальгин А. В. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международные процессы. 2021. № 4. С. 191–207.
- 23 Миронов В. В. Американская внешнеполитическая стратегия после холодной войны. М. : РОССПЭН, 2020. 372 с.
- 24 Надеин-Раевский В. А. США и Европа: динамика трансатлантических отношений. М. : ИМЭМО РАН, 2019. 184 с.
- 25 Никитина Ю. А. НАТО и международная безопасность. М. : Аспект Пресс, 2022. 304 с.
- 26 Печатнов В. О. История внешней политики США. М. : Международные отношения, 2020. 672 с.
- 27 Подберезкин А. И. Роль военной силы во внешней политике государства. М. : МГИМО-Университет, 2021. 468 с.
- 28 Рогов С. М. Ядерное сдерживание и контроль над вооружениями. М. : ИСКРАН, 2023. 256 с.
- 29 Рубинский Ю. И. Европейская безопасность: новые вызовы и старые проблемы // Современная Европа. 2022. № 7. С. 139–152.

- 30 Сергунин А. А. Международная безопасность: теория и практика. М. : Аспект Пресс, 2019. 416 с.
- 31 Соловьев Э. Г. Эволюция внешней политики США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 1. С. 5–24.
- 32 Сушенцов А. А. Конфликт на Украине и кризис европейской безопасности // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 164–179.
- 33 Троицкий М. А. Трансформация внешней политики США в XXI веке. М. : МГИМО-Университет, 2021. 352 с.
- 34 Хрусталеv М. А. Системное моделирование международных отношений. М. : НОФМО, 2019. 512 с.
- 35 Цыганков П. А. Теория международных отношений М. : Юрайт, 2022. 316 с.
- 36 Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М. : Аспект Пресс, 2020. 272 с.
- 37 Шлындов А. В. Международный терроризм: истоки и противодействие // Международная жизнь. 2021. № 11. С. 212–228.
- 38 Baer R. The Perfect Weapon: War, Sabotage, and Fear in the Cyber Age. New York: Crown, 2018. 352 p.
- 39 Biden J. National Security Strategy. Washington: The White House, 2022. 48 p.
- 40 Brands H. American Grand Strategy in the Age of Trump. Washington: Brookings Institution Press, 2018. 224 p.
- 41 Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 2016. 240 p.
- 42 Haass R. Foreign Policy Begins at Home: The Case for Putting America's House in Order. New York: Basic Books, 2019. 208 p.
- 43 Ikenberry J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2018. 392 p.
- 44 Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press, 2020. 432 p.

- 45 Layne C. The Peace of Illusions: American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca: Cornell University Press, 2019. 264 p.
- 46 Mearsheimer J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press, 2018. 328 p.
- 47 NATO Strategic Concept 2022 URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 15.01.2026).
- 48 Nye J. Do Morals Matter? Presidents and Foreign Policy from FDR to Trump. Oxford: Oxford University Press, 2020. 256 p.
- 49 Walt S. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 400 p.
- 50 Zakaria F. The Post-American World and the Rise of the Rest. New York: W. W. Norton, 2019. 336 p.